

Министерство обороны СССР

Военно-исторический журнал

№6. 1989

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М61

М61 **Министерство обороны СССР**
Военно-исторический журнал: №6. 1989 / Министерство обороны СССР – М.: Книга по Требованию, 2024. – 104 с.

ISBN 978-5-458-45918-1

"Военно-исторический журнал", ежемесячный журнал министерства обороны СССР. В 1939—40 издавался как орган Народного комиссариата обороны СССР, в январе — июле 1941 орган Генштаба РККА; издание было прекращено с началом Великой Отечественной войны и возобновлено в 1959. Публикует статьи, документы и материалы по истории военного искусства, главным образом новейшего времени начиная с Гражданской войны в СССР, мемуары и воспоминания деятелей Гражданской и Великой Отечественной войн, рецензии и научную информацию.

ISBN 978-5-458-45918-1

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

КНИГИ ИВАНА ФОТНЕВИЧА СТАДНЮКА «ЛЮДИ НЕ АНГЕЛЫ», «СЕРДЦЕ СОЛДАТА», «ЛЮДИ С ОРУЖИЕМ», «МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ — ФРОНТ», ПОВЕСТЬ В РАССКАЗАХ «МАКСИМ ПЕРЕПЕЛИЦА», РОМАН «МОСКВА, 41-й» И ДРУГИЕ ШИРОКО ИЗВЕСТНЫ ЧИТАТЕЛЯМ. ПО СЦЕНАРИЯМ ПИСАТЕЛЯ СНЯТО 8 ФИЛЬМОВ, А РОМАН «ВОЙНА», ПОЛУЧИВШИЙ В 1983 ГОДУ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПРЕМИЮ, ПЕРЕВЕДЕН БОЛЕЕ ЧЕМ НА 15 ЯЗЫКОВ. ЗНАЯ ИНТЕРЕС ЧИТАТЕЛЕЙ К ТВОРЧЕСТВУ И. Ф. СТАДНЮКА, РЕДАКЦИЯ ПОПРОСИЛА ЕГО ОТВЕТИТЬ НА НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ.

МЫ ОБЯЗАНЫ ДЕРЖАТЬСЯ ПРАВДЫ

— Иван Фотиевич, Вы в своих произведениях уделяете большое внимание освещению событий начального периода Великой Отечественной войны. Этот период военной истории в настоящее время занимает умы многих ученых, писателей, военных. Как он виделся Вам в то время, как он видится Вам сейчас? Будете ли Вы в своих произведениях продолжать освещать эти события?

— Я сейчас публикую первую книгу романа «Меч над Москвой» — пятую книгу эпопеи «Война». Вникаю во все ситуации, сложившиеся на фронте и в Москве в конце сентября — начале октября 1941 года. Они чудовищно сложные, противоречивые, вза-

имосвязаны со многими другими событиями. И в то же время всматриваюсь в сегодняшний день. Сейчас, когда я читаю некоторые публикации о войне, о нашей военной истории, мне, как человеку, прошедшему всю войну от начала до конца, кажется, что у меня начинается бред, я что-то не так понимаю.

Не беру на себя смелость судить о сущности расстановки сил в партии при Ленине, после его смерти и в те годы, когда партию возглавлял Сталин. Я и мои сверстники обучались по учебникам, которые предоставляла нам партия, верили, что постигаем правду. А теперь оказывается, что это была неправда. Неправда отравила нас, как иным кажется, необратимо, и

мы уже почти зачислены в покойники. Во всяком случае, находятся издатели, которые вопреки читательскому спросу исключают наши книги из издательских планов.

Но что же произошло? Мы пришли к пониманию, что существовать и творить только с прежним видением мира нельзя. Нужны обновленная духовная атмосфера, иные аспекты понимания происходящего вокруг нас и уточненные оценки нашей роли в историческом процессе. Все это верно. Никакой трагедии в этом нет, ибо мы вступили в новую эпоху развития нашего общества. Однако в это сложное время находятся у нас и такие силы, которые стараются превратить диалектическое развитие общества в социальный конфликт, в размежевание народов, возвращают плевелы зла, неверия и противостояния. Если мы не опомнимся, не настроимся на взаимопонимание, то в ближайшем завтра конфронтация застелет нам глаза на действительность. И я полагаю, что история, историческая наука сейчас может сыграть колоссальную роль в том, чтобы мы удержались на верных позициях, чтобы мы разобрались, что сегодня черное, а что нечерное, при этом памятуя, что историю переделать невозможно. События имели место—конкретные, обусловленные какими-то обстоятельствами, связанные с конкретными личностями, и мы не имеем права смотреть на них ни через увеличительное стекло, ни, наоборот, в бинокль с обратной стороны. Например, если я в своих книгах буду заставлять героев 1941 года мыслить категориями сегодняшнего дня, мне ни один читатель не поверит. Да и у меня не появится то чувство, то состояние творчества, без которого за письменным столом писателю делать нечего. Но и понимание проблем сегодняшнего дня должно во мне присутствовать.

Сейчас меня больше всего интересуют проблемы, связанные с подготовкой немецкого командования к очередному, с их точки зрения, окончательному штурму Москвы и с той ситуацией, которая сложи-

лась в сентябре — октябре 1941 года на московском направлении.

Известно, что 29—30 сентября, 1 октября 1941 года в Москве проходили переговоры с одной стороны представителей Англии — Бивербрука, США — Гарримана и с другой стороны — советских руководителей по поводу поставок Советскому Союзу военной техники, вооружения и отправки Советским Союзом сырья Англии и США. Это был момент, когда решался вопрос о том, быть антигитлеровской коалиции государств или Советский Союз останется один на один с могучим врагом. Тогда наш Генеральный штаб уже знал, что над Москвой занесен меч и надо искать возможность или перехватить руку с мечом, или подставить под этот меч надежный щит. Сделать это было не так-то просто.

12 сентября на посту главнокомандующего Западным направлением маршала С. К. Тимошенко заменил И. С. Конев. Положение было крайне тяжелым. Немецко-фашистская группировка «Центр», которая сосредоточилась восточнее Смоленска, уже имела в своем составе 3-ю и 4-ю танковые группы, готовившиеся к наступлению из районов Духовщины и Рославля, 4-ю и 9-ю полевые армии, угрожавшие нашим обороняющимся дивизиям в направлении Ельни, Ярцева, Белого, Адрианополя. А как сложится соотношение сил, когда гитлеровское командование окончательно завершит перегруппировку армий? Штаб Западного фронта пока не ведал, что перед советскими войсками в решающий момент появится еще одна полевая армия врага — 2-я и, кроме того, 2-я танковая группа, а 2-й воздушный флот увеличится до 1390 самолетов.

Все эти события войдут во вторую книгу романа «Меч над Москвой», над которой я продолжаю работать. Название претендует на некую образность, но все происшедшее осенью 1941 года с трудом укладывается в форму художественного повествования. Рассказывать об этом хочется просто, элементарным языком, без всяких словесных завитушек и украшений.

— **В** нашем журнале были опубликованы приказы № 270 и 227. Их называют жестокими, неправомерными. Вы являетесь тем человеком, который выполнял эти приказы. Считаете ли Вы их оправданными?

— Была атмосфера очень жестокая, стоял вопрос, выжить нам или нет, и, естественно, приказы соответствовали этой атмосфере. Они должны были заставить тогда каждого солдата, каждого офицера содрогнуться от понимания того, что мы стоим на грани гибели.

Вообще по поводу поступков Сталина в период войны много разговоров некомпетентных. Естественно, все мы ожесточились, узнав суровую правду о 30-х годах, о репрессиях, несправедливых и незаконных, которые творились с ведома Сталина. Но мы — историки, мы обязаны держаться правды. Я могу свободно об этом говорить хотя бы потому, что еще в конце 50-х годов написал роман «Люди не ангелы», который был напечатан уже в 1962 году в 12-м номере журнала «Нева», где рассказал о репрессиях крестьянства, о тяжком голоде на Украине, о перегибах при раскулачивании, о разорении села, о том, что землю обкрадывают. И естественно, в размышлениях моих героев, обращенных к тем, кто руководил страной, все это выражено со всей болью, страстью и негодованием. Но, как историк, как писатель, имею ли я право упрекать Сталина в том, что он своевременно не развернул войска Западного направления и не перекрыл немцам путь, когда мне известно, что Сталин знал точное соотношение сил наших и немецких. Готовясь к войне против СССР, фашисты оснащали свою армию вооружением и боеприпасами не только своего производства, но и взяли их у 30 чехословацких дивизий, 6 норвежских, 12 английских, 18 голландских, 22 бельгийских, 92 французских. На базе трофейного транспорта, особенно за счет французских машин, гитлеровцы сформировали 90 дивизий.

Но самое главное, нельзя было

не учитывать, что летние переговоры 1939 года между Англией, Францией и Советским Союзом не увенчались успехом, что империалисты искали пути сближения с Гитлером. А после того как заместителя Гитлера по партии Гесса 10 мая 1941 года заманила к себе английская разведка, Советскому правительству стало ясно, что Англия предпринимает конкретные шаги для сговора с Гитлером о совместных действиях против СССР.

Поэтому, во-первых, надо было не дать ни единого повода для того, чтобы Советский Союз был объявлен агрессором, нападающей стороной. Сталин понимал, что противопоставить достойные силы врагу невозможно, не было у нас таких сил. Поэтому старались не спровоцировать войну каким-нибудь случайным выстрелом или сбитым немецким самолетом. Во-вторых, Сталин прекрасно понимал: если Красная Армия сумеет сдержать напор, перейти в контрнаступление и перешагнуть границу, то война не только с Германией, но и со всем капиталистическим миром неизбежна, потому что объединение Англии с Германией будет неотвратимо, а вместе с ними против СССР пойдет весь капиталистический мир. Разумеется, нельзя не согласиться с тем, что не все было сделано нашим командованием и лично Сталиным в преддверии грозящей войны. Иные командующие округами больше надеялись на осведомленность Сталина, чем на донесения своей разведки.

— **В** настоящее время много говорится о слишком дорогой цене нашей победы в войне, о том, что очень много неоправданных жертв, потерь могло быть гораздо меньше. Что Вы думаете по этому поводу?

— Я считаю, что неоправданных жертв было слишком много, особенно в начальный период войны. Я участвовал в боях западнее Минска в составе 209-й мотострелковой дивизии 17-го механизированного корпуса. Здесь очень большое количество войск попало в плен. Огромные потери понесли наши соединения и части в районе

Вязьмы. Не надо забывать харьковское окружение и трагедию в Крыму. Конечно, ненужные потери нельзя оправдывать, но и не надо спустя столько лет искусственно их преувеличивать. Война есть война.

— У людей более старшего поколения, а сейчас и у молодежи пользуются большой популярностью публикации, фильмы, воспоминания о таких военных деятелях, как Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев. Что Вы думаете о военном таланте этих людей в сравнении с немецкими генералами?

— У немецких генералов была академическая выучка. Они воспитаны на старой прусской военной системе, хорошо знали стратегию, законы ведения войны и были вышколены по высшему классу военной науки.

Что касается наших генералов, то это — самородки. Жуков даже не имел академического образования. Он постигал войну на практике. Но талант его был настолько ярким, что одного взгляда на карту ему было достаточно для того, чтобы оценить ситуацию. Ставя себя на место немецкого командования, он почти безошибочно предугадывал решения, которые принимались немцами. Можно много привести примеров, когда он заранее вскрывал замыслы противника. Все, что Жуков сделал для обороны Москвы, заслуживает самого пристального внимания и свидетельствует о гениальности полководца.

Рокоссовский также отличался и дерзостью, и грамотностью в военном отношении. Его вклад в победу, как и Конева, несомненный. Но полководческий талант Конева, как мне кажется, наиболее проявился во второй половине войны. Меня сейчас занимает такой вопрос. Когда 30 сентября 1941 года немцы ударили по Брянскому фронту, а 2 октября — по Западному и Резервному, почему Конев не отдал приказ об отводе войск. Такой приказ был крайне необходим. Намного меньше были бы потери у наших войск.

В своем новом произведении я

размышляю и над полководческими качествами Гитлера. Гитлер обладал умом изобретательным, коварным и дерзким. Авантюризм в его мышлении как бы питал и подогревал принимаемые им решения. Нельзя утверждать, что военные решения Гитлера созревали на почве безрассудства. Во многом они были логичны, обоснованны, продуманы с учетом реальностей, пусть и не всегда с предвидением грядущего. Сентябрь должен был ответить на главный вопрос: удалась немцам «молниеносная война»?

Опираясь на все службы своих штабов, Гитлер с хищной цепкостью всматривался в события на Восточном фронте, перепроверял сведения о силах Советской Армии, их расположении, возможностях, а также пытался предугадать намерения нашего командования. Вся стекавшаяся к нему информация вселяла радужные надежды и побуждала к незамедлительным энергичным действиям колоссального масштаба. Появилась директива Гитлера № 35 от 6 сентября. 2-й пункт этой директивы гласил: «В полосе группы армий «Центр» подготовить операцию против группы армий Тимошенко таким образом, чтобы по возможности быстрее (конец сентября) перейти в наступление и уничтожить противника, находящегося в районе восточнее Смоленска посредством двойного окружения в общем направлении на Вязьму при наличии танковых сил, сосредоточенных на флангах...

После того как основная масса войск группы Тимошенко будет разгромлена в этой решающей операции на окружение и уничтожение, группа армий «Центр» должна начать преследование противника, отходящего на московском направлении, примыкая правым флангом к р. Оке, а левым — к верхнему течению Волги»¹.

Гитлеровский план разгрома армий советских фронтов, прикрывавших Москву, в стратегическом отношении, казалось, был безупречным. В соответствии с ним не-

¹ «Совершенно секретно! Только для командования». — М.: Наука, 1967. — С. 327.

мецкая военная машина в конце сентября — начале октября пришла в движение. Советское командование, хоть и располагало сведениями о готовящемся наступлении врага, надеялось, что к катастрофе оно не приведет. Уж очень значительными были потери немцев при наших непрерывных контрнаступлениях да и во время всего летнего кровавого противоборства двух сторон на Смоленской земле. Не предвещало трагедии и то обстоятельство, что линии обороны в полосах всех наших армий были в инженерном отношении надежно укреплены, прикрыты минными полями, усилены настыками соединений артиллерией.

30 сентября 2-я танковая группа вермахта начала в полосе Брянского фронта операцию. Гитлеровское руководство считало ее «решающим сражением года».

Наступление врага поддерживалось всей авиацией, имевшейся у группы армий «Центр». Обеспечив прорыв своей южной группировки войск в тылы Брянского фронта, вражеская авиация уже 2 октября прицельно атаковала основные и запасные узлы связи Западного и Резервного фронтов и их армий, затем массированным ударом поддержала перешедшие в наступление войска левого крыла группы армий «Центр», которые из районов Духовщины и Рославля глубоко охватили и обошли с севера и юга наши войска. В итоге не только Москва потеряла связь с фронтами Западного стратегического направления, но и командование Западного фронта, заранее не разгадав замыслов противника, не смогло предпринять нужные контрмеры. Тут и встает вопрос о Коневе: в какой мере он повинен в том, что произошло, а в какой мере явился жертвой обстоятельств? Ответа на этот вопрос я пока не нашел, хотя знаю со слов В. М. Молотова, что Сталин грозил Коневу судом, но прибывший из Ленинграда Г. К. Жуков отвел эту угрозу.

— **Какие, по-вашему, проблемы необходимо вынести на страницы «Военно-исторического журнала»!**

— Я долгое время был постоянным читателем «Военно-исторического журнала». Но потом он стал очень академичным, на его страницах стали печататься воспоминания субъективного характера и я перестал его выписывать. А вот прочитал № 1 за этот год и увидел, что журнал изменил свое лицо в лучшую сторону.

На мой взгляд, журналу надо обращать больше внимания на мемуарные книги. Они все больше становятся похожими одна на другую. Если раньше произведения такого плана пользовались у читателей повышенным спросом, то сейчас зайдите в Дом военной книги и вы увидите, что полки завалены мемуарной литературой. Почему так происходит? Я задумывался над этим. Как мне кажется, сильно унифицируют произведения обязательные литературные обработки. Я знаю такой случай. Генерал-полковник авиации Подольский Алексей Ильич написал воспоминания о том, как ковались кадры для авиации, как развивалась наша авиационная промышленность. Я прочитал рукопись с колоссальным удовольствием. Может, потому, что хорошо знаю этого человека, я улавливал в написанном даже интонации, слышал голос и ощущал его темперамент. На месте издателей я бы ничего не редактировал, и книга читалась бы как художественное произведение. Написана она участником событий и наполнена интересными подробностями и деталями. А найти литературного редактора, который оказался бы выше по образу мыслей этого генерала, не так просто. Надо поддерживать именно такие книги и бороться со страниц журнала за то, чтобы наша мемуарная литература была глубже, тоньше, умнее и теоретичнее, потому что одно дело пересказать ситуацию, а другое — осмыслить ее, понять, что за ней стоит, из чего исходил полководец, принимая какое-то решение, что та или другая операция внесла в общевойсковую историческую науку. Тогда это будет принести огромную пользу, и ваш журнал сыграет в этом большую роль.

Беседу вел М. П. ПОЛЯНИЧКО

СТОЯЛИ НА СМЕРТЬ*

Генерал-полковник Л. М. САНДАЛОВ

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВОЙСК 4-й АРМИИ 23 ИЮНЯ

Приказ командира 14-го механизированного корпуса о проведении контрудара только танковыми дивизиями без 205-й моторизованной дивизии продолжал угнетать командующего армией. Он считал, что, поддавшись уговорам работников штаба армии и командира корпуса, поступил легкомысленно, так как отступил от указаний штаба фронта «руководствоваться в действиях «красным пакетом». Поэтому в ночь на 23 июня, не имея особых возражений со стороны члена военного совета и начальника штаба армии, он настоял на выполнении своего первого решения об участии 205-й моторизованной дивизии в армейском контрударе. Последняя по распоряжению командира корпуса выделила большую часть имевшегося автотранспорта, создала два импровизированных моторизованных батальона, которые направила для участия в контрударе: один — в 30-ю танковую дивизию, а другой совместно с танковым полком дивизии (около 40 танков) — в 28-й стрелковый корпус в район Хведковичи.

Взаимодействия между 14-м механизированным и 28-м стрелковым корпусами в предстоящем контрударе штаб армии не организовал. Оно свелось лишь к вызову на командный пункт армии командиров и начальников штабов корпусов и постановке им задач. В свою очередь командиры корпусов и их штабы также ограничились постановкой задач дивизиям.

К началу контрудара командующий армией с группой офицеров выехал на командный пункт 28-го стрелкового корпуса в район Жабинки, но не нашел его, так как тот переместился в Кобрин. Побывав в ряде подразделений 22-й танковой и 6-й стрелковой дивизий, генерал А. А. Коробков остановился в штабе 459-го стрелкового полка восточнее Хведковичи. По рассказам офицеров, сопровождавших командующего армией, при посещении им частей и штабов он нашел почти всех людей спящими. Сказались сильное нервное потрясение от внезапности нападения противника и непривычное боевое напряжение первого дня войны. Кроме того, ввиду необеспеченности продовольствием бойцы и командиры почти сутки не получали пищи. Дали себя знать также привычки мирного времени: строго регламентированный распорядок дня, отсутствие тренировок в многодневных непрерывных учениях с отрывом от мест постоянной дислокации и кратковременным отдыхом. К тому же боль-

* Сандалов Л. М. Боевые действия войск 4-й армии Западного фронта в начальный период Великой Отечественной войны. — М.: Воениздат, 1961. — Продолжение. См.: Военно-исторический журнал, — 1988. — № 10, 11, 12; 1989. — № 2.

шинство закаленных в суровых условиях войны в Финляндии бойцов и офицеров было уже демобилизовано, и тяжелые испытания начального периода войны легли на плечи недостаточно обученных красноармейцев и молодых офицеров, только что прибывших из военных училищ.

В 6 часов 23 июня части 14-го механизированного, 28-го стрелково-го корпусов и 75-й стрелковой дивизии начали контратаки против частей 47-го и 24-го моторизованных и 12-го армейского немецких корпусов. Незначительного успеха достигли наши войска только в районе Жабинки и в полосе 75-й стрелковой дивизии. Здесь они потеснили противника на запад.

Однако на других участках противник, поддержанный сосредоточенным артиллерийским огнем и авиацией, перешел в наступление и своими танковыми дивизиями начал быстро продвигаться в направлениях Кобрин и Пружан.

30-я танковая дивизия к началу атаки имела 120—130 боеспособных танков. В ходе боя утром 23 июня дивизия понесла большие потери в личном составе и танках от огня артиллерии, особенно противотанковых орудий, от пикирующих бомбардировщиков и огня средних танков противника. Затем, будучи обойденной с севера из района Каменец 17-й немецкой танковой дивизией, она быстро начала откатываться к Пружанам¹.

Большие потери понесла от артиллерии и авиации противника и группировка советских войск, действовавшая в районе Жабинка, Хведковичи. Под ударами 3-й танковой, 31-й и 34-й пехотных немецких дивизий, наступавших вдоль Варшавского шоссе, эта группировка начала отходить в район Кобрин. Кроме того, на этом направлении создавалась угроза удара во фланг и тыл нашим войскам со стороны 4-й танковой дивизии противника. Эта дивизия обошла части 75-й стрелковой дивизии с севера и через Пожежин вышла на шоссе Малорита, Кобрин. Не встречая организованного сопротивления наших войск, она быстро продвинулась к Кобрину и на его юго-западной окраине вступила в бой с отрядом подполковника Маневича.

22-я танковая дивизия, у которой перед началом атаки было около 100 танков, в боях под Жабинкой понесла большие потери и под угрозой окружения стала отходить также на Кобрин.

На правом фланге армии части 49-й стрелковой дивизии, выдвинувшиеся севернее Семятиче, не найдя ни с кем связи и не получая ни от кого задач, решением командира дивизии были отведены к утру 23 июня в район Журобица, Нужец, Милейчицы, где и вступили в бой с частями 252-й немецкой пехотной дивизии. Здесь же оказался и 772-й полк 113-й стрелковой дивизии, потерявший связь со штабом дивизии².

После 7 ч 30 мин отошедшая в район Пружаны 30-я танковая дивизия вступила на подступах к этому пункту в бой с 17-й и 18-й немецкими танковыми дивизиями.

Этот бой являлся характерным для танковых боев первых дней войны. Тогда не допускалось мысли, что танковые войска могут вести оборонительные бои на определенном рубеже. Правомерными считались лишь танковые атаки. Такие атаки против наступавших танковых частей противника превращались во встречные танковые бои, которые оказывались более выгодными противнику. Бой превращался в дуэль танковых экипажей в весьма неравных условиях. С нашей стороны участвовали только легкие танки со слабой броневой защитой и сравнительно слабым вооружением (броня — 15 мм, вооружение — одна 45-мм пушка и два 7,62-мм пулемета), тогда как со стороны противника вели бой средние танки (броня — 30—40 мм, вооружение — одна 37- или 75-мм пушка и два 7,92-мм пулемета), при этом танки противника поддерживались артиллерией и авиацией. Естественно, что наши танки несли несравнимо большие потери, чем вражеские.

¹ Из воспоминаний маршала бронетанковых войск С. И. Богданова.

² Из воспоминаний майора С. И. Гурова.

Немецкие танки наступали на Пружаны группами с разных направлений. Они имели возможность поражать наши танки с коротких остановок с большей дистанции, чем это могли сделать наши танки. Кроме того, по нашим танкам противник непрерывно наносил удары с воздуха. От вражеских пикирующих бомбардировщиков 30-я танковая дивизия понесла потерь не меньше, чем от танков и артиллерии.

На результатах танковых боев сказывалось и то, что весной 1941 года большинство обученных командиров танков и старших механиков-водителей было переведено с повышением во вновь развернутые подразделения танковых дивизий. Экипажи танков обновились. Молодые бойцы, которые заняли места опытных танкистов в боевых расчетах, не успели пройти полной подготовки. Артиллерийское обеспечение танковых боев оставалось слабым. Артиллерийские полки этих дивизий имели на вооружении только гаубицы с крайне ограниченным запасом снарядов. Средств тяги для орудий также не хватало.

Естественно, что в таких неравных условиях вступать во встречные бои с танками противника было нецелесообразно. Но для использования танков в обороне в то время не имелось опыта; он (опыт) пришел значительно позднее.

В ходе боя между нашей 30-й и 18-й немецкой танковыми дивизиями главные силы 17-й танковой дивизии противника обошли Пружаны с севера, ударили в тыл нашим войскам и ворвались в местечко. После короткого, но ожесточенного боя в городе противник отбросил части 30-й танковой дивизии на восточную окраину.

Командующий армией и командир 14-го механизированного корпуса повлиять на ход боя в районе Пружаны не могли, так как никаких резервов сил и средств не имели.

Анализируя ход и результаты утренних боев 23 июня, можно считать, что основными причинами неудачного исхода армейского контрудара являлись: неравенство сил — количественное превосходство противника на направлении главного удара и качественный его перевес в танковой технике; отсутствие необходимого артиллерийского и авиационного обеспечения войск, наносивших контрудар; слабое взаимодействие частей и соединений; отсутствие надежного управления войсками во всех звеньях и слабое материально-техническое обеспечение войск.

После утренних боев части 14-го механизированного и 28-го стрелкового корпусов еще больше перемешались и утратили свою боеспособность.

К 9 ч 30 мин 23 июня сложилась следующая обстановка: 30-я танковая дивизия с мотострелковым полком 205-й моторизованной дивизии после боя с 17-й и 18-й танковыми дивизиями противника в районе Пружаны отошла на рубеж Куклин, Линево; дивизия в утренних боях 23 июня потеряла 60 танков.

22-я танковая дивизия к этому же времени после боя с пехотой и танками противника сосредоточилась в районе Гуцки, Полятичи, Андроново (район северо-западнее Кобрин).

28-й стрелковый корпус (42-я и 6-я стрелковые дивизии) с танковым и мотострелковым полками 205-й моторизованной дивизии отошел к Кобрину на рубеж Шиповиче, Мазичи, Кобрин, причем части 42-й и 6-й стрелковых дивизий перепутались и управлялись командиром корпуса и командирами дивизий весьма слабо. Части корпуса в боях утром 23 июня вновь потеряли большое количество личного состава и техники.

75-я стрелковая дивизия продолжала прикрывать пинское направление. О положении 49-й стрелковой дивизии данных в штабе армии к этому времени не имелось.

В 9 ч 30 мин 23 июня командующий армией доносил командующему фронтом: «Слабоуправляемые части, напуганные атаками с низких бреющих полетов авиации противника, отходят в беспорядке, не представ-

ляя собой силы, могущей сдержать противника. Попов³ и Оборин⁴ проявляют неустойчивость, преждевременно отводят части и особенно штабы». Одновременно он сообщал свое решение о переходе армии к обороне на рубеже р. Ясельда, Дрогичин, Кублик с целью приведения частей в порядок и настоятельно просил командующего фронтом:

а) активизировать действия нашей авиации в борьбе с авиацией противника; задержать авиацией продвижение танков на пружанском и березовском (береза-картузское направление) направлениях;

б) придать армии автотранспортные средства, так как артиллерийский склад в Бронна Гура противником взорван, огнеприпасов в частях осталось мало, а транспорта для подвоза из Пинска недостаточно».

В донесении довольно точно характеризовалось состояние войск армии, давалась объективная оценка действий командования и штабов соединений и впервые было доложено самостоятельное, не исходящее из плана прикрытия решение о переходе к обороне. В нем только отсутствовала самокритика действий командования и штаба армии по управлению войсками, т. е. не были вскрыты причины слабого управления дивизиями.

На основе принятого решения в 10 часов 23 июня отдается боевой приказ № 03, в котором войскам армии ставились следующие задачи:

«14-му механизированному корпусу обеспечить пружанское направление, не допуская противника восточнее р. Мухавец (канала Мухавец).

28-му стрелковому корпусу занять и упорно оборонять рубеж р. Мухавец от Лушки до Муховлоки (устье канала Мухавец).

В случае наступления явно превосходящих сил противника отходить по рубежам; предельный рубеж отхода — р. Ясельда.

Боеприпасы получать с артиллерийского склада Бронна Гура, горючее — в Оранчицы, в последующем — Барановичи».

Между тем в момент отдания приказа войскам и постановки им новых задач по отражению наступления врага на всем фронте армии продолжались напряженные бои, результаты которых склонялись не в нашу пользу.

После оставления Пружан части 30-й танковой дивизии неоднократно переходили в контратаки с целью выбить части 47-го немецкого моторизованного корпуса из города. Они не выполнили этой задачи, но овладели районом Чахец.

Командир 14-го механизированного корпуса, получив приказ № 03 войскам армии, приступил к сосредоточению всего корпуса в районе Пружаны. Остатки 205-й моторизованной дивизии из района Кобрин начали подтягиваться к Пружанам, но 22-ю танковую дивизию вывести из боя не представлялось возможным. Дело в том, что противник подтянул главные силы 3-й и 4-й танковых, 34-й и 31-й пехотных дивизий и предпринял несколько атак в направлении Кобрин. 22-я танковая дивизия совместно с отрядом 6-й стрелковой дивизии под командованием полковника Осташенко вступила в тяжелые бои с 3-й немецкой танковой дивизией на рубеже Андронovo, Полятичи (5 км юго-западнее Андронovo) и несла значительные потери, особенно от авиации противника. Перед отходом дивизии из Жабинки у нее имелось уже только 67 танков с неполными экипажами. Боеприпасов оставалось мало, но горючим машины успели заправить на кобринском складе горюче-смазочных материалов.

Командир 28-го стрелкового корпуса во исполнение приказа № 03 для занятия обороны по каналу Мухавец выдвинул на рубеж Лушки, Муховлоки несколько подразделений, сформированных из военнослужащих, отходивших от Бреста на восток. Остатки 42-й и 6-й стрелковых и 22-й танковой дивизий были в это время связаны боями на подступах к Кобрину. При этом остатки 42-й стрелковой дивизии обороняли рубеж

³ Командир 28-го стрелкового корпуса.

⁴ Командир 14-го механизированного корпуса.

Ластовки, Шиповиче в 5—10 км северо-западнее Кобрина, а 6-я стрелковая дивизия с 459-м полком 42-й стрелковой дивизии и отрядом подполковника Маневича обороняли Кобрин.

75-я стрелковая дивизия в 16 часов проводила контратаки в районе Малорита против наступающих частей 255-й пехотной и 1-й кавалерийской дивизий противника, а 49-я стрелковая дивизия, как выяснилось, вела бои южнее Боцьки на рубеже р. Нурчик, Стаця-Нужец с частями 9-го немецкого армейского корпуса.

Командный пункт штаба армии находился в Смолярке (5 км северо-восточнее Березы-Картузской) и имел периодически связь со штабом фронта по телеграфу, а со штабами корпусов — только делегатами. Все радиостанции и значительная часть автомашин штаба при переходе на этот командный пункт были уничтожены немецкой авиацией.

В 16 часов после кратковременного, но мощного артиллерийского и авиационного налета 24-й моторизованный и 12-й армейский корпус противника в районе Кобрина возобновили наступление. Части 28-го стрелкового корпуса и 22-й танковой дивизии начали отходить в восточном направлении на канал Мухавец. 42-я стрелковая дивизия отходила через Стрыгово для занятия обороны по каналу Мухавец севернее Варшавского шоссе. 22-я танковая дивизия и отряд полковника Остащенко отходили севернее Кобрин через Именин. В боях за Именинский аэродром дивизия вновь понесла большие потери. Здесь авиацией противника была сожжена большая часть ее танков. В дивизии осталось не более 40 танков. Здесь же погиб командир 22-й танковой дивизии генерал-майор танковых войск В. П. Пуганов. В командование дивизией вступил заместитель командира полковник И. В. Коннов.

3-я танковая дивизия противника захватила в Кобрине мост через р. Мухавец. Часть ее танков прорвалась по Варшавскому шоссе и была задержана только у канала Мухавец. 6-я стрелковая дивизия в районе Кобрина оказалась разбитой на две части. Несколько подразделений с дивизионом 204-го гаубичного артиллерийского полка дивизии (дивизион на конной тяге) во главе с командиром и начальником штаба дивизии отходили вдоль шоссе на Пинск, присоединяя к себе группы бойцов и одиночек разных частей и учреждений, отступавших на восток. Заместитель командира дивизии по политической части полковой комиссар М. Н. Бутин с частью штаба дивизии отводил остатки артиллерии, спецчастей и тыловых подразделений дивизии, а также оставшиеся подразделения 84-го и 333-го стрелковых полков на северо-восток вдоль Варшавского шоссе. Штаб 28-го стрелкового корпуса переместился в лес восточнее канала Мухавец у Варшавского шоссе. Склад горючего в Кобрине распоряжением подполковника Маневича был взорван.

В 17 часов остатки частей корпуса и отдельные импровизированные отряды заняли оборону у канала Мухавец по обе стороны Варшавского шоссе и на некоторое время задержали противника.

К этому времени вернулся делегат, направленный для уточнения положения на пинском направлении, который доложил командующему армией, что в Городец, Антополь, Дрогичин и других пунктах вдоль Пинского шоссе скопилось очень много различных подразделений и одиночных бойцов, которые оторвались от своих частей и отходят на восток. Он доложил также, что командир мотоциклетного полка, находящегося в районе Антополь, не в состоянии задержать и организовать из отходящих какую-либо боеспособную сводную часть и просит выслать специальную группу командиров с представителями особого отдела и прокуратуры.

Для упорядочения прикрытия пинского направления, а также для организации пункта сбора всех подразделений и одиночных людей, отходивших на Пинск, в Дрогичин выехали командующий, член военного совета и начальник штаба армии с группой офицеров. Они выставили в Дрогичине отряд заграждения, командиру которого было приказано